

Иван родился в 1922 году в Рождественский сочельник в Большом Нестолочном Городе. Детство его прошло в деревянном частном доме в окружении нянюшек, многочисленных престарелых тетушек, степени родства которых никто толком не знал, и, разумеется, в окружении любящих, заботливых родителей. У него была младшая сестра и старший брат.

Брат, родной только по отцу, был старше Ивана на двадцать лет и почти ровесник его матери. Брат был моряком дальнего плавания, служил на ледоколе «Красин», участвовал в спасении экспедиции генерала Умберто Нобиле, воспетой позднее в знаменитом советско-итальянском фильме «Красная палатка». В доме находилась фотография: экипаж ледокола вместе со спасенной экспедицией. Позднее брат станет капитаном дальнего плавания, в Великую Отечественную будет водить через Атлантику суда, груженные «вторым фронтом».

Брат рано осиротел. Отец был столь активным участником Первой русской революции, что в 1907 году оказался осужденным на каторжные работы с последующим вечным поселением в Сибири. Закованный в кандалы, он этапом прошел по Большой Владимирке. Мать старшего брата — благовоспитанная барышня из хорошей семьи, ощущая себя декабристкой, оставила малолетнее чадо на попечение своих родителей и отправилась за мужем. В первую же сибирскую зиму она умерла от воспаления легких и похоронена в Новониколаевске (нынешнем Новосибирске).

Через десять лет каторжанина освободила Февральская революция. Отец вернулся домой и занялся обустройством своего хозяйства. Участвия в Октябрьской революции и гражданской войне не принимал, а когда партия большевиков объявила новую экономическую политику и призвала к обогащению, он сделался непманом: держал извоз, состоящий из многочисленных единиц гужевого транспорта, как легкового, так и грузового назначения. Сейчас бы сказали, что он владел автопарком и фирмой по грузоперевозкам. Когда отец повторно женился, гостей на свадьбу возили на личном транспорте жениха.

Через десять лет извоз захирел. Сменилась политика партии и правительства, отвернувшихся от частного и, кроме того, в Большом Нестолочном Городе построили автозавод-гигант, продукция которого вскоре вытеснила лошадок из таксопарков. Многочисленные подковы, которые

легко было найти и в доме, и во дворе, и в саду, по-прежнему приносили семье счастье, только не благополучия. Однако ветеран революции и опытный менеджер, оказался востребованным на социалистическом предприятии, он устроился заместителем директора льнопрядильной фабрики, сооруженной еще столетие назад.

Отец хотел, чтобы его младший сын стал инженером и работал на автозаводе. А сын подрастал смышленным и, невзирая на преогромное количество воспитательниц, был очень самостоятельным. Естественные науки и спорт в равной степени были его стихиями. Но когда назрел вопрос: кем быть, чаша весов качнулась в сторону спорта. Победа на престижном соревновании по гимнастике привела Ивана, к разочарованию отца, в физкультурный техникум при спортивном обществе «Локомотив». Техникумы тогда готовили спортсменов-универсалов. Иван был и лыжником, и конькобежцем, и пловцом, и боксером, и прыгуном с трамплина. Многие всемирно знаменитые потом хоккеисты по зимам играли против него в командах соперников, и они же летом противостояли ему на футбольных полях.

Одним из таких друзей-соперников был Всеволод Бобров. Они встретятся через много лет на хоккейном стадионе в Большом Нестолычном Городе, куда Бобров, многократный чемпион и тренер чемпионов, привезет свою команду, а Иван придет поболеть за команду местных автозаводцев. Они обнимутся при огромном стеченье народа к изумлению и хоккеистов, и болельщиков.

Был Иван спортсменом-универсалом, но наибольшие успехи имел в спортивной гимнастике. К восемнадцати годам он стал мастером спорта, обладателем нескольких медалей разного достоинства. А потом его арестовали, осудили по 58-й статье на десять лет лагерей и отправили на реку Печору.

* * *

Мария родилась 6 февраля 1923 года в селе, что в 150 километрах от Большого Нестолычного Города. Село располагалось на четырех улицах и включало в себя более 500 дворов, но еще за четверть века до рождения Марии оно именовалось деревней, поскольку не имело церкви. Был монастырь неподалеку, но церкви, непосредственно в этом населенном пункте, не было. Некогда владел деревней Аполос Мусин-Пушкин — внук незаконнорожденного сына царя Алексея Михайловича. Его деда Петр Первый признавал своим братом. Владел деревней горнозаводчик П.А. Демидов. Владел — Александр Зубов, один из сыновей которого, Платон, сделался фаворитом Екатерины II и, по версии В. Пикуля, отравил своего соперника Григория Потемкина. Другой сын, Николай, стал зятем генералиссимуса Суворова, сосватал его дочь Наталью — знаменитую «Суворочку». Внучка Суворова Вера Мезенцева (шестая дочь Натальи) получила поместье по завещанию бабушки Зубовой. Но с начала XIX века помещики владели уже не всей деревней, а только большей ее частью — майоратом. Часть земель была выкуплена в государеву казну, переселены туда 13 семей ставропольских казаков. Так в деревне, наряду с крепостными крестьянами, появились вольные переселенцы. Предприняли казаки возмущение против ставропольских властей. При разбирательстве выяснил царский наместник, что правда — на стороне казаков, поэтому наказаны смутьяны не были, но доверять им и в дальнейшем защиту государственных рубежей он не решился. Отписал наместник государю, а тот распорядился переселить казаков в центральную губернию России. Предки Марии от тех казаков и происходили.

Дед Марии был инициатором строительства церкви. Сам жертвовал деньги, собирал пожертвования. Открыли счет для перечисления средств. Проживавшая в Большом Нестолычном городе престарелая генеральша, построившая в свое время храм на свои средства и путем

сбора пожертвований, активно взялась помогать. Она свела деда Марии со знаменитым тогда фотографом-художником. Тот сфотографировал деда в образе старца, обратившего взгляд в небо и держащего в руках подписные листы. Фотография называлась «На храм Божий». Были с нее в типографии отпечатаны открытки, которые продавались на Ярмарке в Большом Нестолычном Городе, а средства шли на строительство. Открытка стоила полкопейки, но съезжалось в ярмарочный сезон до полу-миллиона человек.

Когда средства собрали, дед нашел архитектора, согласовал проект в высоких церковных инстанциях, руководил строительством. Высокие церковные инстанции предложили несколько вариантов престольных праздников для нового прихода. Те праздники, которые летом отмечались, дед сразу отвел — летом крестьянин работать должен; выбрал 9 октября — Иоанн Богослов. Храм освятили в 1899 году в честь Иоанна Богослова. Под церковным престолом по ходатайству мирян и по благословению митрополита установили плиту, надпись на которой гласила, что сооружен сей храм стараниями деда Марии. В том же году открылась в селе церковно-приходская школа. Первым учителем стал местный священник.

Дед умер в 1923 году через несколько недель после рождения Марии. Больному деду показали внучку, он поцеловал ее и перекрестил. Деда похоронили в церковной ограде, и стал храм памятником над его могилой.

Мария — четвертый ребенок в семье. Старшие: сестра (1910 г.), брат (1911 г.), сестра (1913 г.) родились в Российской Империи, еще до великих потрясений — мировой войны, двух революций, гражданской войны. Мария, ее младший брат (1925 г.) и младшая сестра (1930 г.) родились в Советском Союзе.

В 1914 году отца Марии призвали в действующую армию рядовым бойцом. За отличия в боях награжден четырьмя георгиевскими крестами, произведен в офицеры. В составе экспедиционного корпуса был отправлен во Францию для ее защиты от немецкой оккупации. Он один из тех, о ком писал маршал Фош: «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству Русских солдат». Его сослуживцем при «выполнении интернационального долга» оказался молоденький солдатик Родион Малиновский, по слухам, незаконный сын графа фон Гейдена, будущий Маршал Советского Союза и министр обороны. В гражданскую войну отец — командир Красной Армии, участвовал в боях против войск адмирала Колчака. В отставку вышел в 1922 году. Получал персональную пенсию, работал счетоводом в конторе. О себе говорил: «Был военным, когда была война».

Отец воевал в Красной Армии, а в это самое время потомки генеральши, жертвовавшей на храм и помогавшей деду в сборе средств, бежали от красных из Большого Нестолычного Города. Перед тем, как обосноваться в Париже, семья несколько месяцев скрывалась в доме деда. Превратности гражданской войны. Нет в такой войне победителей и побежденных — общенациональная это трагедия. И надо признать, вопреки учебникам, что в России сперва началась гражданская война, а потом из-за этого произошла революция. А не наоборот.

Мария хорошо училась и в школе, и в педагогическом училище (в райцентре), куда потом поступила. Была активной комсомолкой: организовывала демонстрации, праздники, концерты, участвовала в самодеятельности. Она нравилась мальчишкам. Влюбились в нее два друга-одноклассника, сделавшись друзьями-соперниками. Мария не отдавала никому из них предпочтения, держа обоих на расстоянии. Это задевало их страшно, каждый старался перед ней отличиться. Явились они однажды к ней в педучилище и сообщили, что будут завтра из-за нее стреляться на дуэли.

— Из рогаток будете палить? — поинтересовалась Мария.

— Обижаешь! — возразили друзья-соперники и предъявили ей на обозрение пару старинных дуэльных пистолетов.

— Где вы их взяли?

— В музее одолжили.

— Идиоты! — воскликнула Мария. — Жизни вашей ничто не угрожает. Эти пистолеты лет сто, как свое отстреляли. Но свобода ваша под угрозой. Посадят вас, идиотов, за кражу. Идите, и сейчас же верните пистолеты в музей!

— Вернем. — Согласились соперники. — Послезавтра. А завтра поутру — дуэль.

Мальчишки серьезно подготовились, изучили устройство старинных пистолетов. И хотя один пистолет дал во время дуэли осечку, второй выстрелил. Пуля попала в дерево, служившее барьером, пройдя в нескольких сантиметрах от головы одного из дуэлянтов. На следующий день их арестовали за кражу музейных экспонатов. Наметился тюремный срок. А еще через несколько дней началась Великая Отечественная война. Мальчишкам продиктовали заявления о том, что хотят пойти на фронт добровольцами, и отправили воевать. Стал один из них пехотинцем, а второй — танкистом.

К сорок второму году на фронт из бывших одноклассников Марии мобилизовали всех мальчишек, призвали в армию и двух девушек — Марию и ее лучшую подругу. Обе были направлены в школу радистов в Большой Нестолычный Город. Потом судьба разбросала подруг по разным фронтам.

* * *

Война шла уже второй год, немцы успели побывать под Москвой, теперь рвались к Сталинграду. А Иван валил лес, постигая азы лагерного выживания: «не верь — не бойся — не проси» и мало что знал о происходящем на свете. Однажды в лагерь приехал какой-то чин, объявил построеным заключенным, что Сталин дает им возможность кровью на поле боя искупить свою вину перед Социалистическим Отечеством. Те, кто выбирает фронт, должны были сделать шаг вперед, те, кто выбирает лагерь — остаться в строю. Иван был среди тех, кто вышел из строя.

Их везли эшелоном, как он говорил потом, «с милого севера в сторону южную». Везли под конвоем. Были они, вроде бы, уже не зеки, но еще не солдаты. Вычисляя маршрут по косвенным приметам, понял Иван, что не минует эшелон его родного города, а там наверняка будет продолжительная остановка. И он затеял предерзкое. По прибытии эшелона в Большой Нестолычный Город, совершил Иван побег, не пойманным появился дома, обнялся с родителями, которые около двух лет не имели от сына вестей, сказал, что едет на фронт. И, что самое удивительное, не пойманным вернулся в вагон и проследовал эшелоном дальше. Как такое могло произойти? Осталось загадкой. Были, вероятно, у него сообщники среди конвоиров.

Иван участвовал в Сталинградской битве. Сначала воевал в штрафном батальоне, потом в обычной воинской части. В звании сержанта командовал стрелковым взводом, затем в звании старшего сержанта исполнял обязанности командира роты. Рота, правда, по численности личного состава на тот момент была уже меньше взвода. Существенную долю бойцов составляла среднеазиатская диаспора. Им воевалось особенно тяжело, не вписывались они со своим особым декханским укладом и мировоззрением в реалии происходящего. При тайном ночном продвижении колонны могли вдруг устроить переключку. Могли, загрузившись арбузами, оставить на привале противотанковое ружье — рук на все не хватает! Могли рассуждать о несправедливости: почему большая винтовка дается на одного человека, а маленький котелок — на двоих? Могли сказать: «Ты, командир, у нас совсем дурак! Какая «За

Родину»? Какая «Ура»? Обстрел — не видишь? Нога летит, рука летит — не видишь? Прятаться надо».

Так и поднимал Иван эту дремучую частицу советского воинства в атаку: кого матюгом, кого зуботычиной, кого передергиванием затвора. Бывала и другая крайность: если кого-то подстрелят, то все землячество сбивается в кучу и оплакивает убитого. На обстрел внимания не обращают. Если кучу вовремя не разогнать, то следующий снаряд накроет всех.

Не простые были у командира с бойцами взаимоотношения. Но когда Ивана, раненого осколком в живот, отправляли в медсанбат, вся восточная диаспора вышла проводить и долго шла за носилками.

* * *

В составе отдельной роты связи Мария воевала на Волховском и Ленинградском фронтах — дежурила на радиостанции, принимала и отправляла радиограммы, передавала их шифровальщикам. Это происходило под огнем противника. У нее была опасная работа, но на войне у всех опасная работа. Когда ее труд посчитали подвигом и наградили орденом Красной Звезды, она очень удивилась.

23 февраля 1943 года в день 25-летия Красной Армии над позициями в районе поселка Синявино Ленинградской области шел воздушный бой. Его видели все, но связисты знали, что этот бой особенный — его вел Григорий Пантелеевич Кравченко. Всенародный любимец, летчик-ас, тридцатилетний генерал-лейтенант Кравченко был единственным, вступившим в войну в звании дважды Героя Советского Союза. Введенное перед самой войной для присвоения за особые заслуги, означало «Герой Героев». В сорок третьем году об этом помнили. А обожаемое маршалами и вождями звание «Четырежды Герой» звучит несуразно.

Мария, как и многие другие, наблюдала за воздушным боем. Зрелище завораживало, оно напоминало парад в День ВВС. Ей казалось, что она видит лицо Кравченко — знакомое по портретам лицо красавца-героя с белозубой улыбкой. Но это был не парад. Машина генерала, атакованная двумя «мессерами», загорелась и рухнула на землю. Генерал погиб.

* * *

Ранение было тяжелым, но Иван выжил, получил медаль «За отвагу», которой очень гордился, был произведен в младшие лейтенанты, вернулся в строй. Новая работа ждала — перевели Ивана в разведку. Здесь изрядно отличился. Во время Курско-Орловской операции тяжелые бои развернулись за город К. — мощный железнодорожный узел. Несколько наших стрелковых дивизий за него бились. Разведка (Иван и несколько его товарищей) добыла важные сведения о противнике, позволившие родной дивизии выбрать правильное направление главного удара и овладеть городом. Полковник — командир дивизии доложил о выполнении поставленной задачи и подал представление о награждении наиболее отличившихся бойцов, а разведчиков представил к присвоению звания Героя Советского Союза. Но вдруг выяснилось, что другой полковник — командир соседней дивизии, едва лишь выдвинувшейся в сторону города К., уже отрапортовал о взятии города. И какой этот рапорт имел резонанс! Дивизия стала гвардейской, стала именоваться К-вской, полковника произвели в генералы.

Поехал полковник к генералу отношения выяснять, и закончилось это выяснение тем, что стрелял полковник в генерала из личного оружия. Попасть не дали, скрутили полковника, но переполоху он наделал. Стали разбираться. Полковник в награду за то, что именно он взял город К., остался без наказания, генералу-гвардейцу командующий армией перестал подавать руку. Тому бы и застрелиться от позора, но нет, остался

живехонек! Дивизии разбросали по фронту, не могли они больше воевать как соседние. Отличившихся бойцов, упомянутых в наградном списке, отметили менее значимыми орденами и медалями. Герои-разведчики, например, вместо Золотых Звезд получили ордена Отечественной Войны второй степени.

Иван же, и вовсе, считался награжденным посмертно...

Мария и на фронте участвовала в самодеятельности. Пьеса «Анютини глазки», в которой она исполняла главную роль, пользовалась большой популярностью. Фотография сцены из этого спектакля попала во фронтную газету. Это была комедия про любовь и про войну.

О том, что на фронте бывает любовь, даже разворачиваются военно-полевые романы, Мария узнала позднее из художественной литературы, из лейтенантской прозы, кажется.

Намного позднее узнала она и про многократно воспетые «боевые сто грамм». Никто никогда ей эти граммы не выдавал, и даже не предлагал. Выпивку на фронте видела лишь дважды: первый раз, когда пришла весть об освобождении Киева — матери городов русских, и второй раз, когда поминали командира роты — пятидесятилетнего капитана, высококлассного радиста-профессионала, погибшего при артобстреле. Уже после похорон капитана бойцы нашли на месте его гибели вставную челюсть и долго вели бестолковые дебаты: считать находку фрагментом тела командира и хоронить ее вдогонку или считать личной вещью и присвокупить ее к вещам, отсылаемым семье погибшего.

Иван не вернулся из разведки. Вернувшиеся видели, как остальные разведчики были убиты. Пошли домой похоронки.

Но Ивана только ранило (пуля пробил бок), попал в плен, подлечили его немцы и отправили в лагерь. Из-под города К., что в Черноземье, угодил он в Эстонию. И опять школа выживания: «не верь — не бойся — не проси!».

Однажды отобрали десятка два пленных, велели раздеться догола и построиться. Идет вдоль строя здоровенный пожилой эстонец, мускулатуру изучает, выявляет изъяны телесные. Прошел строй, потом вернулся, около Ивана остановился. Позвал немца, ему что-то сказал, похоже, товар попросил упаковать. Немец закивал головой, объяснил Ивану, что это его новый хозяин, и что отдан он ему в рабство. Отдан или продан? — этого Иван так и не узнал.

Перевезли Ивана из лагеря на хутор. Милость эстонцу от немцев вышла за то, что его старший сын служил унтер-офицером в эстонском формировании немецкой армии.

Научил эстонец Ивана косить, обрабатывать землю и выпустил на свои поля. Был эстонец прагматиком, знал, что раб его должен быть сыт и здоров. Ел Иван за общим столом, спал в своем чулане, остальное время работал. Впрочем, и господин, и семья его трудились наравне с ним, рабом. Крепкое хозяйство нераскулаченного крестьянина было у эстонца.

Неподалеку, на соседнем хуторе, обосновался русский белоэмигрант, бывший офицер. Заезжал он иногда к эстонцу, а, узнав об Иване, стал заезжать чаще — по-русски поговорить. Была и еще одна причина таких посещений. Следил беляк за обстановкой на фронте, следил профессионально — на картах флажки расставлял, анализировал. Втянул он и Ивана в такой анализ. Радовались они оба успехам Советской Армии, хотя судьба каждого из них после победы была не очень предсказуемой. Эстонец держал нейтралитет.

На выходные приезжал на хутор старший сын хозяина, здоровенный, похожий на отца. Этот унтер не на фронте был, а где-то неподалеку при штабе окопчивался.

Приехал он, как-то раз, с приятелем-немцем. Выпили. Стали в стрельбе состязаться. Ивана в состязание втянули. Понял Иван, что ему нужно промахиваться. Немец первое место занял, эстонец — второе, а Иван — последнее. Немец потешался — плохой русский солдат. Потом взял он прут малиновый, второй эстонцу-сыну дал, и стали они Ивана стегать в наказание за плохую стрельбу.

Когда гости ушли, старший эстонец просил у Ивана прощение за сына, просил войти в положение и не помнить зла. А Иван, когда остался один, вынимал из-под кожи малиновые колючки и плакал от обиды и бессилья.

Однажды приехал эстонец-сын среди ночи, весь дом переполошил. Запершись с отцом в горнице, обсуждали что-то, спорили. Прислушался Иван, разговор о нем шел. Жил он на хуторе, к тому времени, около года, эстонский язык хорошо понимал, и говорить неплохо научился. Говорил сын о том, что немцы отступают, что он отступает вместе с ними, и что получил он приказ застрелить Ивана. По последнему сюжету и шел у них спор: нравственно или безнравственно выполнять такой приказ.

Не стал Иван дожидаться, чем спор закончится, разоружил он унтер-офицера, отконвоировал всех хозяев в подвал, запер их там и ушел в партизаны. Завел, то есть, он в своем лице партизанский отряд, единственный, наверное, на всю округу. Так и партизанил до прихода своих. А когда пришла Советская Армия, не заспешил Иван с ней воссоединяться, а решил выждать, осмотреться, разведать обстановку.

В городок, самый большой населенный пункт хуторской округи, приехала фронтовая бригада артистов. Дали концерт для солдат и местного населения. Иван, хоть и зарекался не попадаться нашим лишним раз на глаза, пришел на концерт под видом местного жителя. И вдруг, его узнала бывшая одноклассница — ассистентка фронтовой бригады. Бросилась на шею — Ивана-то погибшим считали, а тут, такое счастье!

Иван по-эстонски лопочет, мол, ошиблась, гражданочка. Та начинает подыгрывать, но поздно. Всё увидели те, кому по службе положено всё видеть. Задержали Ивана для выяснения личности. Три месяца просидел он под следствием, а потом выпустили, дали довоевать. Звездочки лейтенантские остались, правда, в следственном изоляторе. Отправили Ивана на фронт рядовым бойцом. Дошел он с боями до Восточной Пруссии, там был ранен пулей под коленную чашечку навылет.

Госпиталь. Демобилизация. Возвращение домой, где его ждало затянувшееся на десятилетие поражение в правах.

* * *

В январе 1944 года, а это было время, когда наши войска перешли в наступление, в ходе которого удалось полностью снять блокаду Ленинграда, Мария была тяжело ранена. Дежурила на радиостанции, вражеский снаряд разорвался за ее спиной. Четыре раненья: в позвоночник, в шею, дважды — в плечо. Ее положили вниз лицом на плащ-палатку и понесли в медсанбат. Брезент не пропускал кровь, и Мария захлебывалась ею. Мелькнула мысль: «Неужели так и утону в собственной крови?!». Потом ушло сознание. Исход перестал волновать. Врачи определили ее состояние как безнадежное. Две раны из четырех несовместимы с жизнью. Положили Марию в палату умирать.

В середине тридцатых годов церковь, сооруженную стараниями деда Марии, закрыли, переоборудовав в зернохранилище. Большие иконы сельяне поместили в одной теплой кладовой и выносили их при молебнах, например, в засуху. Иконы меньших размеров разобрали по домам. Несколькo было в доме Марии — написанные специально для церкви Ио-

анна Богослова, и старинные (намоленные), которые присылали в новый храм из других церквей и монастырей. Когда Мария уходила на фронт, отец и мать благословили одной из этих икон — «Воскресенье Христово», где Иисус, восставший из гроба.

Именно этот сюжет привиделся Марии, лежащей в палате умирающих. Все было как на иконе, только Христос и ангелы были в человеческий рост. Потом картина ожила. Иисус отделился от ангелов, оставшихся на месте, направился в сторону Марии, лежащей на госпитальной кровати. Мария заметила, что он не ступает ногами по полу, а парит на высоте полуметра. Иисус приблизился к кровати, остановился в ногах, протянул руку и жестом заставил Марию подняться. Он не касался ее руки, но к руке Марии была приложена сила, которая тянула Марию вперед. Голова Марии приподнялась над подушкой, затем спина приподнялась над кроватью. Казалось, еще одно мгновение и Мария, ведомая Иисусом, сядет на кровати, но вдруг резкая боль пронзила все тело. Мария громко вскрикнула и открыла глаза. К ней вернулось сознание.

У ее кровати стояло несколько человек в белых халатах: врач (он делал обход, и внезапный крик Марии, вместо обычного постанывания, привлек его внимание), медсестры, санитары.

— Какое сегодня число? — шепотом спросила Мария.

— Шестое февраля, — ответили ей.

— Мой день рождения. Я родилась сегодня. — Прошептала Мария.

— Да, — согласился врач, — похоже, ты действительно сегодня родилась во второй раз!

Больше Мария не теряла сознания. Кризис миновал. Она медленно пошла на поправку.

* * *

Работал Иван истопником, сторожем, чаще всего — грузчиком, сезонным рабочим. Было каждодневное ожидание ареста и твердое убеждение, что арестовать он себя не даст. Хранил Иван на этот случай пистолет и был готов вступить в последний бой. Когда времена изменятся, Иван перестанет ухаживать за оружием, а потом и вовсе забудет о нем.

Пистолет попадетс я ему на глаза, когда будут ремонтировать подгнивший от старости деревянный частный дом. Подержит он в руках непригодное уже к употреблению, грозное некогда оружие. И с легкой душой бросит его в сливную яму.

* * *

После госпиталя Марии дали инвалидность и демобилизовали. Из воевавших она оказалась единственным членом семьи, вернувшимся с фронта живым. В 1942 году погиб старший брат — тридцатилетний солдат, оставивший без отца трех маленьких дочек; в 1944 году погиб младший брат — девятнадцатилетний лейтенант. Погиб под Сталинградом в 1942 году муж старшей сестры. А еще, в боях за город Будапешт погибла лучшая подруга Марии, радистка танкового корпуса. Девушку наши на поле боя с расколотой пополам головой и радиogramмой в руке. Посмертно ее наградили орденом.

Через много лет о ее гибели однополчане расскажут «Красным следопытам», те проведут митинг, будут публикации в газетах, а потом в родном селе лучшей подруге Марии поставят памятник, назовут ее именем сельскую школу.

Младшей сестре Марии станет обидно за свою старшую сестру:

— Вас было двое. И воевали вы одинаково. А почести ей одной!

— Посмертные почести. — Поправит ее Мария. — Разная у нас с подругой доля: я живой осталась, а она погибла. Я радуюсь, что ее помнят.

Мария работала учительницей в родной школе. Через год она добилась снятия инвалидности:

— Мне судьбу свою надо устраивать, а кто инвалида замуж возьмет?! «Железный» аргумент подействовал на врачебную комиссию. Сколько потом в собесе недоплатят рублей, когда продифференцируют пенсии инвалидов и участников Отечественной войны!

Вскоре Мария вышла замуж. В отпуск в родное село приехал ее одноклассник, один из дуэлянтов — танкист (второй дуэлянт — пехотинец, погиб на фронте). Войну он закончил сержантом, получил направление в танковое училище, теперь курсант. Молодой человек сделал предложение, девушка ответила согласием. Сыграли свадьбу.

Молодожены сняли комнату в Большом Нестололичном Городе. Мария перешла на работу в городскую школу. В съемной квартире жена жила, а муж приходил по выходным, да еще, когда убежал из училища в самоволку. Это продолжалось в течение учебного года, весной муж получил лейтенантские погоны и направление в Германию для прохождения службы в оккупационных войсках.

Мария увольнялась с работы, готовилась к отъезду. Однако в Германию муж поехал один. Внезапно появился приказ министра обороны, временно запрещающий прибытие жен офицеров оккупационных войск к месту прохождения службы мужей. Жены нашего комсостава, не обученные светским манерам, порою вели себя в Европе диковато, это и раньше приводило к разного рода курьезам. Но непосредственно перед выходом приказа случился скандал: некоторые из партии вновь прибывших жен, перепутав верхнее с исподним, явились в театр в ночных рубашках.

Мария забрала заявление об уходе. Работала в школе, ждала отмены злополучного приказа. Но отменять приказ руководство вооруженных сил не торопилось. Начальство предпочло запретить, а не организовать какие-нибудь курсы для офицерских жен, отъезжающих в Германию. А зря. Не так уж бестолковы были советские женщины, чтобы не понять и не суметь научиться.

Потом приказ отменили, но Мария узнала, что у мужа, пишущего ей нежные письма, к этому времени образовалась в Германии другая семья, и даже родился ребенок. Мария написала мужу письмо, пожелала ему успехов в боевой и политической подготовке, счастья в личной жизни. Обратный адрес на конверте зачеркнула жирным крестом.

Мария с головой погрузилась в работу без выходных и отпусков: вела занятия в школе, руководила драматическим кружком (пригодился опыт фронтовой самодеятельности), в летние месяцы работала начальником пионерского лагеря. Каждую весну формировала летнюю бригаду — принимала на работу воспитателей, пионерских вожатых, врачей, медсестер, поваров, посудомоек. В одну из весен в школу к Марии пришел Иван, предложил свои услуги в качестве физрука пионерского лагеря. Для Ивана это была редкая возможность поработать не грузчиком, не сторожем, а тренером.

Они познакомились, поговорили и, как пишут в романах, какая-то искра сверкнула между ними. Но принять Ивана в качестве физрука ей запретили, сказали, что у него плохая анкета и допускать к работе с детьми нельзя.

Возвращая Ивану заявление, Мария не скрывала досады.

— Не печальтесь вы так. Дело житейское. — Сказал Иван. И вдруг без перехода спросил: — А замуж за меня пойдете?

— Пойду, — ответила Мария. — Разведусь и пойду.

Из съемной квартиры Мария переехала к Ивану в деревянный частный дом. Подала на развод с танкистом, он к тому времени не лейтенантом, а уже капитаном был. Танкист потом и полковником станет, но Марии его дальнейшая карьера будет совсем безразличной — своих забот хватит и на работе и дома.

После хрущевских разоблачительных съездов Ивана восстановили в правах. Негласно восстановили, как прежде, негласно ущемляли. Устроился он на автозавод-гигант. Наверное, рад был бы его отец, узнав об этом, но не было уже отца, умер он в конце сороковых. Работал Иван на кузнечно-прессовом производстве наладчиком оборудования. Закончил вечерний машиностроительный техникум, стал работать мастером, затем — старшим мастером. С годами обнаружилась такая закономерность: молодые специалисты, приходящие после вузов на автозавод и поступающие в качестве мастеров под начало Ивана, быстро продвигались по служебной лестнице, занимали ключевые посты, кто на заводе, кто во всей отрасли. Востребованным оказывался производственный опыт Ивана, да, и житейский, по-видимому, тоже. Еще закономерность: все заводские кузнецы Герои Труда, известные на весь Советский Союз передовики производства оказывались подопечными Ивана.

Не раз просили Ивана корреспонденты поделиться секретом, как ему удается воспитывать такое количество Героев Труда, как он вдохновляет рабочих на подвиг?

Он отшучивался:

— Вдохновляю на подвиг так же, как вдохновлял нацменов под Сталинградом.

— ??

— Кого — матюгом, кого — зуботычиной, а кого — передергиванием затвора!

Его интервью никогда не печатали в газетах.

Много раз пытались продвинуть Ивана по службе его бывшие стажеры.

— Нет, — отвечал он всякий раз. — Здесь мой окоп. Здесь и воевать буду.

Так и воевал.

В семье не было детей. Еще при выписке из госпиталя Марию предупредили, что рождение ребенка сопряжено для нее с огромным риском для жизни. Врачи подтверждали это и потом. Иван был в курсе дела и данный вопрос никогда не обсуждался. Мария смирилась с ситуацией, хотя всегда считала, что семья начинается тогда, когда появляются дети, а брак без детей — это не семья, а сожителство двух эгоистов. Но когда узнала, что беременна, мгновенно приняла решение: рожать!

Положенного срока ждали и очень боялись. В роддоме ненапрасность многолетних опасений подтвердилась: за жизнь роженицы предстояла борьба. «Принимающая сторона» собрала лучших специалистов своего дела. Провели несколько совещаний. На одном из них присутствовал Иван, он забрался на нужный этаж роддома по водосточной трубе и даже умудрился выступить прежде, чем его вывели.

Иван ждал. Вестей не было. Он обдумывал план второго проникновения — забраться по тополю, десантироваться на крышу, потом через чердак пробраться на нужный этаж. Но реализовывать его не потребовалось. Пришла благая весть: родился ребенок, вес 3 кг. 600 г., рост 51 см., мальчик. Все живы!

На календаре было 20 августа 1959 года. Сына назвали Владимиром. С тех пор минуло почти шестьдесят лет.

Иван прожил на свете 63 года. Мария 78 лет.

Светлая им память и вечный покой.